

Нелёгкая судьба
выпала на долю
памятника
Гавриилу Державину
в Казани.
Переносили его
с места на место
и даже сносили...
О последнем,
варварском,
деянии –
публикуемый
рассказ

*Ахат
Мушинский*

рассказ

С пьедестала на мостовую

Нет на свете ничего короче мая. Только-только закипят сады молоком яблоневого цвета, а уж вот он весь и осыпался, убежал, оставив вместо себя ворохи не цветов, не яблочек – каких-то невзрачно-зелёных завязей.

Однако им предназначено со временем налиться соком, ароматом, превратиться в румяных, тяжеловесных красавцев-соблазнительей всех слад-

кожек нашей улицы, которая, наверно, не зря называлась – Алмалы*.

Но до красавцев-яблочек ещё далеко. По городу только-только шагнул июль.

– Николай, выйди-ка, сынок, на балкон, взгляни, что вещают твои звёзды,

---

* Алмалы (тат.) – яблоневая.

какое завтра утро ожидается? – окликнул своего двадцатипятилетнего сына Сергей Андреевич Новиков, шелестя перед сном газетами, что не успел просмотреть, хотя и таскал с собою весь день в портфеле. На сей раз перед ним была кипа номеров – целых три недели пропадал, отряженный по делам службы в деревнях устья Камы, и сын бережно собрал их для него.

Сергей Андреевич Новиков был человеком старательным, скромным и, несмотря на сдержанность в проявлении душевных чувств, жизнелюбивым. Различные напасти терзали его семью, как ветер дубок во дворе по осени. Трагическая смерть матери при пожаре, когда Сергею было всего шесть годков, страшная кончина тестя в восемнадцатом, вызвавшая неизлечимую болезнь сердца жены, исключение сына из университета, потеря своей службы в середине двадцатых, биржа труда, погрузочные работы на волжских пристанях, полуголодное существование с постоянной погоней за лекарствами – в семье всегда кто-нибудь да болел... Но жизнь явление настырное. Вопреки всему она продолжалась. Она, как ни странно, умела ещё и радовать тихими рассветами, куском хлеба на столе, доверчивой улыбкой жены... Согрела она и относительным благополучием детей: мало же кто верил, что рахитичный, еле-еле душа в теле Николенька выживет, но он жил, трудно, болезненно, но жил; слава богу, и дочери Оленьке уж скоро тридцать, окончила университет, правда, замуж всё никак, но это частности.

– Ну что, сын? – оторвался от газеты Сергей Андреевич, когда Николай вернулся с балкона.

– Завтра, папа, будет ведро, будет прекрасный солнечный день.

– Свежо предание...

– Нет, определённо. Сегодня небо, точно раскрытая книга.

– Ну и чудесно, ну и хорошо, – с этими словами Сергей Андреевич взял следующий номер местной газеты и на четвёртой, последней странице в разделе

объявлений прочёл: «Началась чистка аппарата...» Далее следовало полное название его, Сергея Андреевича Новикова, места службы. Что такое? Сергей Андреевич нацепил очки, которыми пользовался редко, нашёл то самое место в газете... Нет, ему не померещилось. Впрочем, что мерещиться, такие объявления красовались там и сям повсюду, во всех газетах, даже на заборах лепились. Жирным заголовочным шрифтом чернело: «Началась чистка аппарата Северо-Западного Госторга по Волжско-Камскому району». И далее, помельче, боргесом: «Все материалы о недостатках работы последнего и материалы на отдельных сотрудников просят направлять в Госторг, комиссии по чистке». Сергей Андреевич взглянул на дату выпуска – номер свежий, сегодняшний.

– Освежающая информация!

– Что такое? – переспросил Николай.

– Ничего особенного... Просто порядочно дома не был, а тут много разного накопилось. Жизнь-то без меня не стояла на месте. Не стояла, м-да-а...

После командировки он ещё не был на работе. Что там творилось, кого почистить хотят?

– Так, говоришь, безоблачный будет денёк?

– Безоблачный, папа.

Николай не ошибся. Утро нового дня заглянуло в окна дома на Алмалы, тенистой улицы на восточной окраине города, ясное и безмятежное. Оно прошлось по комнатам косыми, стрельчатыми лучами, чистыми, ещё без налёта дневной пыли, подняло головы съёжившихся цветов на подоконниках, вскружило, развеселило присмиривших за ночь мух и, оставив на стенах трепетных зайчиков, двинулось дальше – будить град к жизни трудовой и звонкой.

Раньше всех в доме, в шестом часу утра, как гвоздика полевая на склонах Немецкой Швейцарии, раскрыл глаза Николай. По его меркам спать он лёг рано – всего лишь в двенадцатом часу ночи, поэтому спозаранок и проснулся.

Предстояло дописать статью из истории астрономии и отвезти в университет, где договорился встретиться с директором АОЭ (Астрономической обсерватории имени Энгельгардта) и передать ему свой труд для публикации в университетском издательстве. В обсерватории Николая Новикова любили как человека душою чистого, до болезненности скромного, лишённого всякого признака тщеславия, ценили его как талантливого учёного и труженика поистине сизифова упорства. Уже в первые годы пребывания в обсерватории ему самому была представлена возможность планировать свою работу, определять её объём (объёмы, надо сказать, он планировал себе фантастические). Историческая статья, выношенная в голове до последней точки, вылилась на бумагу легко, и утром оставалось дописать два-три обобщающих абзаца.

Отношения с главным зданием университета у Николая оставляли желать лучшего, поэтому и назначена была встреча с директором именно в «первопрестольном». А ещё молодому учёному надо было узнать о заявлении по поводу восстановления его в студентах. Что-то долго оно не рассматривалось. Как так – судить не по знаниям и успеваемости, а по происхождению! Думать об этом, однако, не хотелось – хотелось поскорее дописать статью с её интереснейшим и малоизвестным в учёных кругах фактическим материалом. Но с самого утра, великолепного, изумрудного утра, какое бывает лишь в перволетье, разболелась ни с того ни с сего голова. Нужных таблеток дома не нашлось. Ещё вчера висевшие на кончике пера чернила сегодня сходить на бумагу не желали.

С большим трудом закруглив статью, Николай отправился к университету чередой аптек, в которых, как всегда, того, что надо, не имелось.

Николай дошёл до Державинской аптеки (называли её так потому, что она располагалась напротив Державинского садика), но войти в высокие с витыми ручками двери не вошёл:

внимание привлёк гул голосов, какое-то волнение-столпотворение возле памятника Державину. Стайка мальчишек перемахнула через невысокую металлическую решётку и исчезла в кустах, за которыми определённо что-то происходило. И незаурядное. Николай позабыл о головной боли, шагнул со ступенек аптеки...

У входа в сад, с тыльной стороны его, дорогу ему преградила втекающая в воротики колонна пионеров с отчаянным барабанщиком во главе. Пришлось обождать. Пришлось пропустить ещё с десятка горячих, нетерпеливых голов. Люди весело переговаривались о каком-то предстоящем у памятника событии, о котором они хорошо знали, а он нет.

Народ, как и определил Николай ещё у аптеки, собрался вокруг Державина. На постаменте памятника, зацепившись за бронзовую лиру поэта, раскалёно излагал свои мысли оратор в кургузом пиджачке нараспашку. Лицо его от напряжения покраснело, шея орельефилась жилами, точно сгустки слов шли непосредственно по ним.

О чём он вещал? До Новикова смысл его слов дошёл не сразу. А когда он понял, о чём речь, то не поверил ушам своим, внутри у него всё похолодело.

Оратор, взявшись поудобнее за скульптуру, уже не за лиру, а за руку поэта, кричал:

– Сколько можно терпеть в центре нашего города памятник вельможе и мурзе! Здесь место памяти народному вождю Емельяну Пугачёву, а не царскому прихвостню. Расселся!

Толпа ободряюще загудела, зашевелилась.

– Неча ему тут! За Пугачёвым гонялся, море люда повставшего, алкая выслужиться, казнил

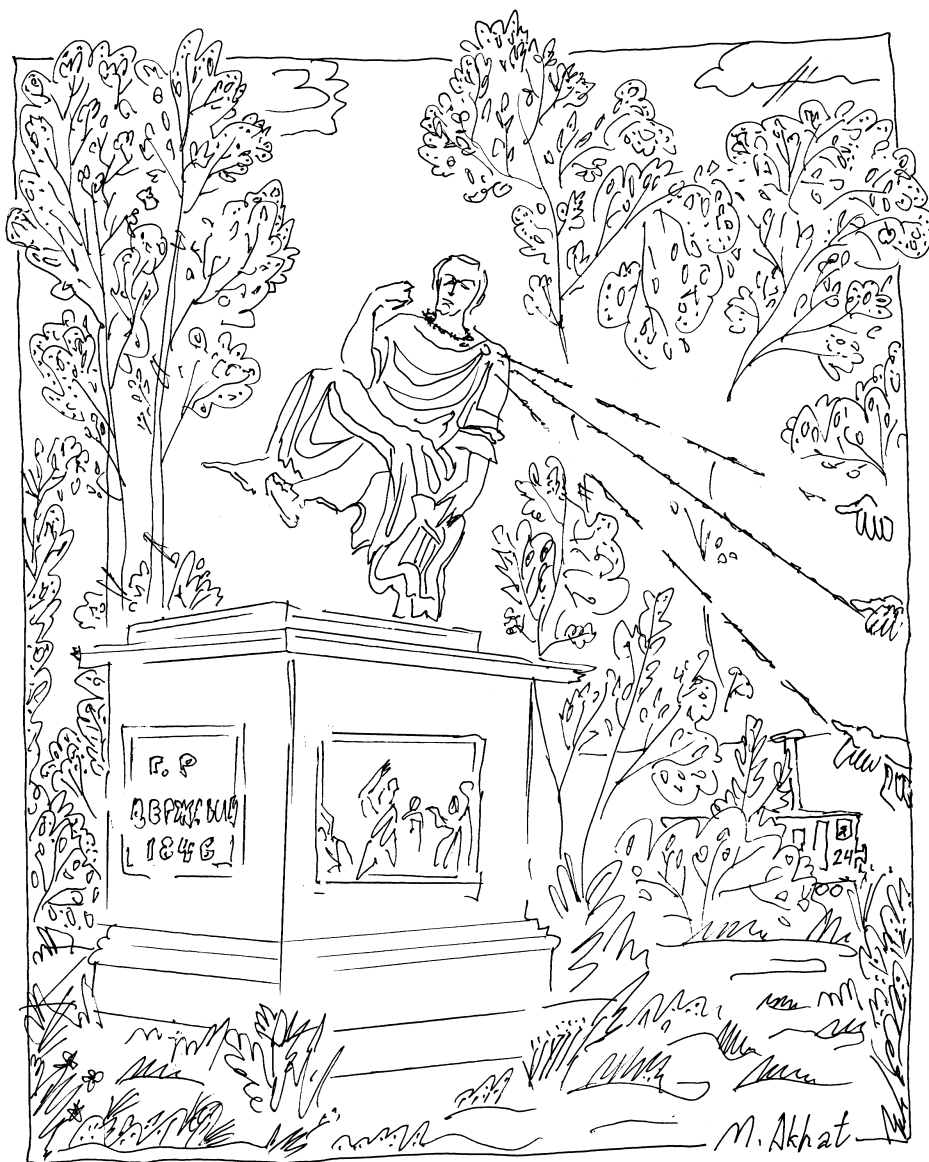
– О-до-пи-сец!

– Чего горло драть, сдёрнуть!

– Сейчас трактор подойдёт!

– А може, за трамвай зацепим?

– Какую ещё техническую силу ждать? Мы сами сила. Живая! – махнул

кулаком оратор. — Чать, свалим, подна-
тужившись. Он сколько нас! А-а?

— Сва-а-алим!

Словно заранее подготовленный,
появился пароходный канат. Ещё один,
ещё моток...

Трещали барабаны, звенели горны.
Безучастным ко всему происходящему
оставалось одно лицо. Неподвижное,

величественное. Оно смотрело поверх
голов собравшихся вокруг людей куда-
то в бесконечную даль веков, и солнце
играло на его бронзовом челе.

Николай закрыл глаза, встряхнул
головой, будто от дурного сна хотел из-
бавиться, но спасительная, ставящая
всё на свои законные места явь не явилась.

Рядышком – вот же он, страж законности! – как ни в чём не бывало в белоснежной гимнастёрке милиционер.

– Товарищ, стой! – Николай схватил милиционера за рукав. – Что ж вы смотрите?

Тот недовольно отстранился:

– Гулял бы отсюда, студент!

Почему-то милиционер назвал его студентом.

– Как «гулял»? Ведь памятник свергают, народное достояние!

– Народ свергает, наро-о-од, понял?

Два каната туго перехватили памятник крест-накрест через грудь, третий затянулся на шее. Последние примерки прикидки сделал оратор в кургузом пиджачке и соскочил с пьедестала.

– Взяли!

– Раз-два! – подхватили в толпе.

– И-их, дубинушка, ухнем! – выкрикнул кто-то.

Три людских роя облепили три каната, натянули его до скрипа на бронзовом теле изваяния, до струнной, стальной упругости.

– Одумайтесь, что вы делаете? Люди! – Не понимая происходящего, негодую на умом непостижимую нелепость развернувшегося на глазах действия, Николай бросился к срединной куче народа, которая заарканила бронзового поэта за шею. – Стойте! Это ж в-великий р-росский поэт, это ж отец всех поэтов наших, земляк наш. И вы, боже ж мой, не его рушите, а историю ломаете! – Николай взмахнул портфельчиком и врезался в стену по-бурлацки надёжно упёршейся ногами-распорками в землю толпы. – Товарищи...

Встречный нокаутирующий удар откинул его к подножию постамента.

Это оратор изловчился. Со словами:

– Защитнички объявились, радетели екатерининского холуя, твою мать! – и двинул кулаком снизу вверх, срезал длинного и неуклюжего. – Вот когда вся шушера выползает. На изломе, на изломе...

Откуда взялись в поверженном, сухом теле силы, но Николай встал и

опять двинулся на живую стену, пронзанную пароходным канатом.

В толпе крикнули: «Куда милиция смотрит!» И тот самый милиционер в белой гимнастёрке, ничего дурного окрест себя не видевший, когда к нему обращался Николай, и мгновенно прозревший, когда к нему обратились пролетарские массы, схватил нарушителя порядка и повлёк из садика. Тут же подскочил ещё один белоснежный в фуражке с красным околышем. В глазах рябило, Николай плохо соображал, что происходит, куда его ведут. Сияло солнце, на небе ни облачка. А за спиной нарастал прибоем гвалт. В апогее многоголосого дружного рёва раздался подобно стону скрежет, за которым последовал страшный грохот. Так врезается металл в камень, так падает что-то очень большое и тяжёлое.

Больше Николай ничего не помнил.

Очнулся он там, где никогда не был, – в помещении с решётками на окнах.

Когда очнулся, его спросили: «Очнулся?» Услышав положительный ответ, велели подписать какие-то бумаги, отвечать на какие-то странные вопросы: верит ли он в бога и в какого? Как относится к развитию машиностроения и металлообработки в стране? Кто ему помог додуматься до демонстративного выступления против народа? Не пользовался ли услугами психиатров и соответствующей больницы? Опять ставил свои подписи под какими-то неразборчивыми письменами. Сознание поминутно туманилось и грозило вновь покинуть голову.

Ночью на жёстких досках второго яруса нар, в компании десятка товарищей по несчастью было не легче. Но не боль в затылке, которым он ударился при падении, мучила его, не душевные переживания за случившееся у памятника и неминуемые последствия терзали молодого учёного... Он думал о родителях – о большой матери, об отце, не знавших, где их сын и что с ним случилось.

Вечером следующего дня ненормального арестанта выпустили, посо-

ветовав не в университет, не в обсерваторию и не домой идти, а напрямик и непременно – в психиатричку.

Завидев в дверях сына, мать ахнула и тихо заплакала. Выбежал из кабинета отец:

– Что с тобой? Где ты пропадал? Кто тебя избил?

– Почему, папа, ты сделал такой вывод, что меня избил? – попытался скрасить положение Николай.

– Да ты на себя в зеркало взгляни!

– И что там, в зеркале?

Николай подошёл к трюмо. Со стекла на него глянуло взъерошенное, чумазое, с потёком запёкшейся крови у рта чужое измождённое лицо. Николай поспешил удалиться с глаз долой. Как он не подумал! Следовало прежде умыться, привести себя в порядок, а уж потом появляться.

Родители ждали объяснений. Николай рассказал всё, как было. Он никогда и ничего от родителей не утаивал.

С матерью стало плохо. Отец сделал ей инъекцию (он был не только главой семьи, но и главным семейным врачом), и когда матушка неожиданно быстро уснула, мужчины тихонько оставили её, вышли на террасу, которую вся семья почему-то упорно называла балконом.

День погас, небо от края и до края словно бы зашторилось необъятной чернильной занавесью с неправдоподобно ярко выведенными на ней звёздами и луной. Погуливал лёгкий ветерок, но в воздухе всё ещё ходили ключья дневного зноя, и густо пахло липовым цветом.

– Не дошёл, значит, до университета, – сказал отец.

– Не дошёл, – ответил Николай.

– А как же статья срочная?

– Потерял. Вместе с портфелем.

– Слава богу, голову не потерял.

– Осуждаешь?

– Нет, но я никогда не приветствовал необдуманные и стихийные поступки.

Они разговаривали вполголоса, то поднимая глаза к звёздам, то взгляды-

ваясь в неровную тьму садов. Можно было подумать, что ничего особенного не произошло. Отец с сыном беседуют с лёгким сердцем перед сном, отец внушает сыну житейские истины, неведомые молодой, а посему и не совсем трезвой головушке.

– Чувствую я всегда предпочитал разум, сынок. Согласись, чувство и неразумными существами движет, животными... С другой стороны, сердце порой подсказывает такие прекрасные вещи, до которых умом вовек не дойти и которые формулами не исчислишь, оно порой толкает на шаги, остающиеся в истории человечества. Но за них приходится дорого платить, случается – жизнью. Вот ты сегодня что – решил изменить ход событий в Державинском садике? Переубедить сотню более чем убеждённых в своей правоте молодцов? Но их-то у нас сегодня, к несчастью, не одна сотня и даже не одна тысяча.

В голосе отца Николай улавливал неведомую доселе горечь. Горечь – не назидание.

Отец был демократичен по отношению ко всем членам семьи, не то, что сестра Ольга, беспрестанно поучавшая и выговаривавшая. Нет, он уважал сестру, слушался её как старшую. А отца... Отца любил. И низкий, с горечью голос, противоречащий всему его естеству, в тот вечер, вернее, уж ночь, насторожил Николая. Настораживали и странная сдержанность после всего того, что произошло с ним, его сыном, слышались какие-то заговорщицкие нотки, даже затаённая порука... Удивлял и весь ход разговора, зигзагообразный, с неоднократным повторением только что сказанного, точно путник, заблудившийся в лесу, тропу ищет. Что-то творилось с отцом.

– Так-то оно так, сын: разум душе во спасение, Всевышнему – во славу. Но разум разумом, а быть безликим статистом, хоть и разумным, тумбочкой бессловесной – не знаю! Фу, ты – мерхлюндия какая-то под этой глупой, равнодушной луной! Прости, упустил из виду, что ты у меня астроном. Конечно

же, не луна тут всему виной, но глупости под ней творятся невообразимые. А в детстве я представлял себе астрономов в чёрных колпаках со звёздами и в балахонах до пят, с подзорными трубами в руках и толстенными талмудами под мышкой, такими знатоками сверхпрошлого и сверхбудущего, ясновидцами, не щами сытыми, а одной лишь звёздной пылью. Во как! И вдруг мой родной сын – звездочёт. А? Это всё Забродин, всё он, дорогой Фёдор Софронич, дед твой неугомонный, причастил тебя к звездознанию – как там астрономия по-исконному-то?

– Звездословие.

– Вот бы старику, царство ему небесное, хоть одним глазком взглянуть в вашей обсерватории в самый мощный телескоп на эти звёзды! – Новиков старший приобнял сына. – Помнишь его самодельную обсерваторию в Козловке?

– Как же!

– Ничего, всё будет хорошо. И на счёт университета перестань волноваться. Нет – так нет. В конце концов, если на то пошло, человек образовывает себя сам. – Сергей Андреевич не

разделял устремлённости сына во что бы то ни стало получить университетский диплом. – И без него же любимым делом занимаешься. В обсерватории на Красной Горке тебя уважают и ценят. Диплом – не знания. Научные знания... Они у тебя глубокие и необычные.

На душе Сергея Андреевича сделалось спокойно и надёжно. Справное продолжение остаётся у него на этом свете. Он окончательно отвязался от настроений, опутавших его днём, когда его вызвали в комиссию по чистке. В досье комиссии ждали себе пополнения два анонимных письма, подробно излагавших «контрреволюционную деятельность гражданина Новикова на должности уполномоченного Госторга». Впереди, безусловно будут новые разбирательства, новые обличения... В общем, мало приятного. Однако ни слова из того сыну он не сказал. Как не сказал о газетной статье, которую прочёл в приёмной вышеназванной комиссии, дожидаясь своего часа в живой очереди. Статья та посвящена была сносу памятника Г. Р. Державина и называлась «С пьедестала на мостовую».